

Наталья
РОМАНОВА

г. Москва

«МЫ – СИБИРЯКИ»

рассказы

СТУК

Я редко приезжала к отцу в деревню, но каждый раз, когда мы шли от его дома в сторону магазина, отец останавливался возле деревянного забора, подходил к одной и той же доске и несколько раз стучал по ней. Мне казалось это странным, но спросить отца, зачем так поступает, не решилась. Конечно, хотелось узнать, что означает сей стук, но у родителя становилось лицо таким грустным, что у меня пропадала всякая охота задавать ему вопросы. Забор с каждым годом дряхлел, поэтому и стук становился приглушеннее, но ни разу отец не оставил это место без внимания.

В деревне хороших дорог не было. В центре улицы пролегла проезжая часть с глубокими колеями, она делила улицу на две стороны – четную и нечетную. Вдоль проезжей части стояли близко друг к другу дома. На каждой стороне возле домов лежал дощатый настил, который насчитывал три доски. А между тем самым забором, по доске которого отец что-то отстукивал, и настилом пролегла небольшая рытвина, и каждый раз отец лихо перемахивал это углубление. Но однажды, после сильного дождя, отец, прыгнув, соскользнул сапогом с противоположного бережка. Он взмахнул рукой, чтобы схватиться за ту доску, к которой и был предназначен прыжок, но не сделал этого и упал. Я спросила у него, почему же он не взялся за ту спасительную доску, наверняка удержался бы. Но отец покачал головой, что, дескать, это нельзя.

— Вдруг оторвал бы еще, — сказал он, как мне показалось, со страхом в голосе.

«Что это за доска такая священная, — недоумевала я. — Какую тайну скрывает она?» Незадолго до смерти отца я все же узнала эту тайну. Я понимала, что отцу оставалось жить недолго, поэтому рискнула спросить о том, что меня всегда интересовало и на что долгое время не получала вразумительного ответа. Ответ был прост и одновременно до того трогателен, что у меня подкосились ноги.

— Здесь я впервые поцеловал твою маму, — сказал он. А затем простучал по спинке кровати точно так же, как он это делал, когда подходил к забору, — тук тук-тук тук-тук.

— Я люб-лю те-бя, — произнес он, повторив стук и расшифровав свое стучание.

К тому времени родители уже много лет были в разводе.

В следующий раз я подошла к забору уже одна. Стояла и думала о том, что это и есть начало меня, что началась я именно здесь, на этом самом месте. Стала внимательно изучать ту самую, уже родную для меня, доску. Она несла на себе отпечаток времени, темно-серый, почти черный цвет подтверждал это. Однако и эта доска, и рядом стоящие с ней высились ровно, ничуть не покосившись, словно старые, но все еще brave солдаты. Они были похожи друг на друга как близнецы. Лишь одна, моя, немного отличалась от них. Маленькой, почти незаметной вмятинкой от стука.

Мы - СИБИРЯКИ

У всех разные отношения с родственниками. Кто-то, долго не встречавшись с ними, думает: сто лет бы их еще не видеть. Нет, это не про моих. Уверена, что все мои родственники рады встрече со мной. Это подтвердилось, когда на перроне небольшого вокзальца меня и мою сестру встречал наш дядька — дядя Коля. По его довольному виду с первой же секунды стало понятным, что встреча ему желанна. Он крепко обнял нас, расцеловал, схватил сумки и велел идти вслед за ним в машину. Чтобы попасть к дяде Коле в гости, предстояло проехать еще километров восемьдесят. В машине нас поджидала дяди Колина жена Галина Александровна. Женщина, скупая на эмоции, она тем не менее выказала радость при виде нас. Мы действительно не виделись лет сто. Дядька суетился, складывая наши чемоданы в багажник машины, что-то торопливо при этом рассказывая. На улице, несмотря на яркое солнце, дул довольно прохладный ветерок.

— Что ж вы одеты-то словно майские дачницы? — сокрушался он.

— Так лето еще, дядя Коля.

Шли последние дни последнего летнего месяца.

— Будто бы не знали, что в Сибирь едете! — проворчал он и тут же стал искать в багажнике куртки.

Мы долго отнекивались от его тряпья, дескать, нам вовсе не холодно. Но дядя Коля был неумолим. Он раздел нас в какие-то теплые вещи, после чего мы стали похожи на отступающих французов с картины Верещагина «На большой дороге». Не успели мы сесть в машину, как дядя Коле вздумалось нас кормить: шустро чистил варенные яйца, нарезал колбасу и прочее, и пища как-то сама собой залетала нам в рот, словно гоголевские галушки.

Наконец мы тронулись в путь. Дороги в те времена были ужасные, вернее их совсем не было. Особенно после

дождей. То ли дело зимой — катишь себе по зимнику, словно на коньках по льду. А в иное время года — мучение. То застрянешь, то из колеи не выбраться, поэтому машины в тех местах в основном большегрузные, легковых почти не встретишь. У дяди Коли была «Нива», которой он очень гордился в силу ее хорошей проходимости. Вот на этой «Ниве» мы и держали путь в славный город Урай.

Дядька не переставал говорить ни на минуту.

— Знаете, куда я вас везу?

— Знаем, дядя Коля, к вам в гости, — недоуменно переглянулись мы.

— А ну-ка, уберите первую букву в названии города, что получится?

— Рай.

— Вот куда я вас везу. В рай! Да здесь кругом рай! — дядя Коля посмотрел налево, направо, опустил руль, раскинул руки по сторонам. — Это же Сибирь-магушка! Сибирь державная!

— А почему это она державная, дядя Коля?

— Как почему? Как почему? А кто на себе всю Россию держит? Кто ее поит, кормит, обувает? Кто нефть поставляет? Минералы разные? А леса? Посмотрите, какие леса здесь! — и дядя Коля вновь взмахнул руками, указывая на лес по обеим сторонам дороги.

— Крепче за баранку держись, шофер, — пробубнила сидящая рядом Галина Александровна.

— А знаете, какое самое главное богатство Сибири?

— Пушнина!

— Сами вы пушнина! — Дядька аж сверкнул глазами в негодовании. — Люди! Вот главное богатство Сибири! Лю-ди!

— Так люди везде есть, — возразили мы.

— Да вы что! Вы что, не знаете, какие здесь люди? Возьмите отца своего! Его братьев!

— Тебя, например, — съёрничала Галина Александровна.

— Да хоть бы и меня! Я коренной сибиряк! А мы сибиряки — ух какие!

— И какие же? — спросила его жена.

— Да такие... надежные, крепкие, сильные. Сибиряки всегда придут на выручку, не подведут! У нас суровый характер, нас закалила сама природа. Мы не привыкли болтать, мы привыкли делать.

Я смотрела на своего дядьку. Небольшого росточка, крепенький, вечно со взлохмаченными волосами и длинными ровными бакенбардами, немного несурзанный, смешливый. Но мне казалось, что за его мудрым, цепким взглядом скрывается сибирская мудрость веков, а его могучие руки — олицетворение силы и труда этого края. Он весь нараспашку так же, как и душа жителей Сибири — распахнутая, щедрая, гостеприимная. Я так загордилась своей малой родиной, что выступили слезы, но влетевший в окно машины ветер мигом высушил их. Да, суров нрав Сибири, нечего нюни распускать, стойкость — вот главное качество сибиряков.

— Надежный мы народ — сибиряки, — с жаром продолжал дядя Коля, — потому и любят нас везде за наши бойцовские качества. У нас в Сибири мужик сказал — мужик сделал.

— Поэтому мужики в Сибири молчаливые, — усмехнулась Галина Александровна, но дядя Коля пропустил это высказывание мимо ушей.

Мы с сестрой рассмеялись. В следующее мгновение наше внимание привлек мужчина на дороге. Он махал рукой, показывая, чтобы мы остановились, что мы и сделали, но не глушив двигатель.

— Приветствую, — сказал подошедший, — трос есть?

— Застряли, что ли? — спросил дядя Коля, оглядывая машину в противоположной колее и суетящийся возле нее народ.

— Да, — кивнул незнакомый водитель, — дернешь?

— Нет у меня троса! — сказал дядя Коля и, отмахнувшись от незнакомца, начал отъезжать.

Мы обернулись. Несколько мужиков безнадежно пытались вытолкнуть из колеи не поддающуюся их силам машину.

— Так, на чем я остановился? — спросил дядя Коля и тут же стал повествовать дальше. — Мы сибиряки — и этим все сказано. Надежности нам не занимать.

— Коля, — лукаво произнесла Галина Александровна, — а ведь у тебя есть трос.

Дядя Коля, словно не слыша ее, продолжал.

— Коля, — настойчивее произнесла Галина Александровна, — у тебя есть трос. В багажнике, — добавила она.

Дядя Коля вновь, казалось, и ухом не повел.

– Коля, не слышишь, что ли?

– Что Коля? Что Коля? – заерпенился дядька.

– Трос, говорю, у тебя есть. В багажнике.

– А они почему без троса?! – вскричал дядька. – Какое они имеют право ездить без троса? Вот посидят в колее, тогда запомнят на всю жизнь, что собираться перед дорогой нужно как следует.

– Коля! У тебя есть в багажнике трос, – укоризненно произнесла Галина Александровна, скрестив на груди руки.

– Да некогда мне! Один я, что ли, на дороге? Вон за нами толпа машин едет.

Мы оглянулись. Ни одной машины что-то не было видно.

– Ну, или поедет, – с досадой вымолвил дядька, – ко мне племянницы приехали, я их сто лет не видел!

Минут десять дядя Коля ехал молча, затем остановился, развернулся и поехал назад. Вскоре мы вновь очутились у машины, попавшей в дорожную неприятность.

– Вспомнил, что есть в багажнике трос, – сказал дядя Коля подошедшему водителю, подавая спасительный предмет, – иди цепляй.

Через какое-то время мы снова весело ехали в сторону Урая. Дядя Коля, подмигнув нам, бодро произнёс:

– Я же говорил: мы, сибиряки, надежные люди!

Мармуня

В Египте кошка – священное животное и на дорогах в разорванном виде не валяется. Но это в Египте. Речь пойдет о нашей русской кошке, хлебнувшей того, что выпадает на долю небожественного существа.

В один из теплых октябрьских дней ко мне из соседнего города приехали гости – сестра Юля с мужем Виктором. Помимо похода в гости, у Виктора имелось какое-то важное дело в нашем городе. Он суетился и куда-то очень спешил. Мы с сестрой попросили добросить нас до ближайшего магазина одежды, на что Виктор не очень охотно отреагировал, ссылаясь на свою занятость. Но под суровым Юлькиным взглядом согласился домчать нас до нужного магазина.

И вот мы несемся на всех парусах, обгоняя ветер. Вдруг видим посреди проезжей части что-то чернеет. И все едущие перед нами огибают эту чернеющую точку. При ближайшем рассмотрении выясняется, что на гладкой асфальтовой дороге среди толчеи машин лежит сбитая, но еще живая, черная кошка. Она, чуть приподняв голову, взирает на свой окровавленный живот и, кажется, нисколько не удивляется происходящему. А именно тому, что все аккуратно объезжают ее. Одинокое беспомощное существо с вывороченными на асфальт кишками посреди дороги большого города, и все с миллиметровой точностью – чтобы не задеть! ей ведь и так больно! – объезжают ее. Мы тоже приостановились и медленно, осторожно, не дай бог затронуть это несчастное животное, сделали полуовальное движение дорогим авто.

Едем дальше. На душе скребут кошки, а больше всех та, которую только что покинули.

— Команда сволочей, — первой взбрыкнула Юлька, имея в виду нас всех и, разумеется, себя.

Вижу, до Виктора не доходит смысл сказанного.

— Витя, — поддержала я сестру, — нельзя так оставлять кошку.

Юлькин муж чуть не подскочил.

— Да вы с ума сошли! — взревел он. — Меня люди ждут!

— Подождут, — ответила сестра.

В конце концов, мы вынудили Витю вернуться. Кошка по-прежнему лежала посреди дороги. Мы решили перенести ее в траву, подальше от места чьего-то преступления. Витя остановил машину прямо на проезжей части, Юлька нашла в кустах кусок картона, мы переложили на него истекающее кровью животное и перенесли от дороги на некоторое расстояние. Водители презрительно и осуждающе смотрели на нас, сразу решив, что это мы сбили кошку. Сделав дело, мы поехали дальше. Но что у меня, что у сестры кошки в душе не утихомирились, а продолжали скрестись по-прежнему.

— Разворачивайся, — в приказном тоне сказала Юлька.

— Куда? — не понял Витя.

— Кошка умирает.

Тут Юлькин муж взревел!

— Ты обалдела, что ли? Какая кошка? Меня серьезные люди ждут! Я и так уже опаздываю! А вы со своей дурацкой кошкой!

— Да ... дуй ты куда хочешь! — выругалась сестра. — Машину останови.

Как ни странно, Витя с Юлькой больше спорить не стал. Он развернул машину и, осыпая черную кошку проклятиями, снова поехал к месту происшествия.

— Это мы можем, когда у нас что-то болит, обратиться к врачу, поймать такси, доехать до больницы, сходить в аптеку и купить лекарств. А животное нет, — взывала Юля к совести супруга, на что он еще больше выходил из себя.

— Мы, что ли, ее сбили? Как вы не понимаете, у меня встреча!!! — в десятый раз вопил он.

Кошка лежала в том самом месте, где ее оставили, и тихонько мяукала. Это мяуканье было похоже на протяжные жалобные стоны. Я

старалась не смотреть на нее, так как меня мутит от вида крови. В багажнике оказалась коробка, в нее и поместили животное. Юлька, сидя на переднем сиденье, взяла коробку себе на колени и бережно держала.

Мы приехали в первую попавшуюся ветеринарную клинику. В чистом уютном фойе располагались питомцы со своими хозяевами. Я впервые увидела такое скопище холёных зверушек. Оказывается, это частная элитная клиника. Животные и их хозяева с одинаковым презрением оглядели вновь прибывших. Мы мысленно плюнули на них и ринулись к окну регистратуры, украшенному наличниками с искусной резьбой. В окне сидела молодая девица с густой косой и томным взглядом. Мы кинулись объяснять ей причину нашего появления. Но эта красавица хлопала своими метровыми ресницами и вежливо мотала головой. Она ссылалась на то, что у них всё по записи, причем сия запись состояла сплошь из плановых осмотров. Как мы ей ни вталдычивали, что в нашем случае речь идет о спасении живого существа, она и слышать не хотела.

— Очередь не согласится ждать.

— Так экстренный случай!

— Ну и что, — вяло произнесла она.

— А очередь, между прочим, это люди, а не звери! — вспыхнула я.

— А наша очередь в первую очередь печется о здоровье своих питомцев, поэтому они хотят как можно быстрее попасть в кабинет к специалисту, — защищая своих пациентов, ответила регистраторша.

Мы посмотрели на очередь и поняли, что девушка права.

— Да что мы с ней два часа рассусоливаем?! — возмутилась сестра. — Давай оставим здесь коробку, да и дело с концом. И пусть только попробуют выкинуть ее за порог!

— А вдруг выкинут? — усомнилась я в правильности намерений сестры.

— Не выкинут, совесть замучает, зря, что ли, они клятву Гиппократова давали?

— По-моему, ветеринары ее не дают, — возразила я.

— В конце концов, мы свое дело сделали. Кошку не мы сбили, это раз. Во-вторых, мы не оставили ее умирать, а поехали в ветлечебни-

цу, бросив свои дела. Помочь мы ей больше не сможем, так как не врачи и не умеем лечить и делать операции, – сказала Юлька.

– Что же нам делать? – спросила я регистраторшу, и та вдруг прониклась сочувствием и сообщила нам адрес ближайшей ветлечебницы для простых, непривилегированных животных.

Мы посмотрели на кошку, она покорно лежала на дне коробки, и весь ее вид говорил нам: «Девки, я уже ничего с собой поделать не могу, и так крепилась из последних сил, сейчас моя судьба в ваших руках. Ну что же вы медлите?» Мы схватили коробку и бросились искать простую ветлечебницу.

Это лечебное учреждение не для вип-персон располагалось в убогом здании. Там оказалось пустынно, кругом одни старые стены с отвалившейся штукатуркой, старая сломанная мебель и повсюду – слой пыли. В одном из кабинетов ярко горел свет и две женщины в белосерых халатах пили чай, весело смеясь над какой-то пошлой шуткой. Наше появление оборвало их смех.

– Чего нужно?

– Здравуйте. Нам нужна ваша помощь.

В двух словах обсказали, в чем дело. Они замахали руками:

– Врача нет, а мы только медсестры.

– Ах так, – сказала я. – Тогда сейчас принесу видеокамеру и сниму про вас сюжет. Я, между прочим, снимаю репортажи для телевидения.

Тётки переглянулись, вздохнули.

– Где там ваша сбитая кошка?

– В машине. Но мы ее не сбивали, – заявила твердо сестра.

– Ну, ну... – понимающе кивнули они.

На улице одна из медсестёр, выйдя с нами и увидев крутейшую иномарку, да еще и с интересными номерами, сразу смягчила голос, затем вспомнила, что и у неё бывает ласковый взгляд.

– Вы же понимаете, что бесплатно мы не можем делать операцию, – промямлила она, – медикаменты, наркоз и все прочее. У нас даже бинтов нет.

– Нашли о чем печалиться! – рявкнул Виктор, гнев которого не утихал.

Мы вытащили коробку. Заглянув в неё, медсестра нахмурилась:

– Дело плохо.

– Так чего же медлите?!

– Попробуем реанимировать, а вы ждите здесь, – сказала она и, взяв коробку с живым грузом, направилась к дверям ветлечебницы.

В этот момент вновь завершал Витин телефон. Юлькиного мужа действительно ждали где-то по очень важному делу. Причем давно. Мы собрались ехать, но тут выскочила другая медсестра:

– Господа, а деньги? Кошке на операцию. Кстати, ее уже делают.

Витя зло вытащил триста долларов и протянул их медсестре. Та побледнела, но в деньги вцепилась.

– Витя, кошке наркоза нужно будет рубля на два максимум, – прошипела я, – за такие деньги ее можно было не муржить, а сразу отправить на самолете в Израиль на операцию.

– Да, и вот ещё, – сказала Юлька. – Можно какое-то время кошка поживет здесь, у вас. Дело в том, что мы живем в другом городе, к тому же у нас есть животные. А у сестры, – она кивнула в мою сторону, – аллергия на кошачью шерсть. После операции нужно будет восстанавливающее лечение, из больницы ведь сразу не выписывают, а мы пока подумаем, что делать с кошкой. Кошка-то не наша.

– Восстанавливающее лечение, конечно, нужно, а у нас бинтов даже нет, – произнесла медсестра, – памперсы кошечке понадобятся.

Я хотела сказать, что на те деньги, которые ей уже выделили, можно купить все памперсы в городе и области, но опоздала, Витя успел отстегнуть медсестре еще несколько купюр.

Теперь Юлькин муж никуда не спешил, потому что назначенная встреча давно уже была им просрочена. Мы ехали довольные, что помогли живому существу, и отчаянно благодарили Витю за то, что он предпочел своей важной встрече выручить кошку из беды – спасти жизнь, быть может... Виктор снисходительно улыбался, говоря, что на его месте любой поступил бы точно так же. Решено было съездить в церковь, чтобы закрепить помощь кошке. Юлька среди нас была самая воцерковленная, поэтому и предложила эту идею. В церкви мы купили

свечки и поставили за здоровье неизвестной нам кошки. После этого Витя сказал, что хорошо бы чего-нибудь пожрать, и мы отправились в кафе. По пути Юлькин муж звякнул своему приятелю и, выслушав его, стал блее мела.

— Что случилось? — встревожилась Юлька.

— Если бы вы знали, девки, как же мне мила эта кошечка! — искренне признался Виктор.

Оказалось, что на той встрече, на которую он не попал, была перестрелка, нескольких человек ранили, причем одного тяжело. Витю тоже могли там ранить, а то и убить. Он позвонил в ветлечебницу и узнал, что операция прошла успешно, кошечка спасена. До того расчувствовался, что сказал:

— Юля, а давай эту кошку себе заберем.

В кафе Витя заказал самое дорогое вино.

— Только бы на улицу кошку не выкинули, — сокрушался он, резко изменив своё отношение к сбитому животному, — подумают, что бездомная.

— Не похожа она на бездомную, — уверенно сказала я.

— Будем искать ее хозяев, — подытожила Юлька.

Мы весело дули шампанское, Витя наворачивал за троих всякую закуску, продолжая время от времени повторять, как ему мила эта кошечка. Он вновь позвонил в больницу с просьбой забрать спасённую. Судя по разговору, медсестры пришли в ужас от Витино предложения и категорически отказали, сославшись на то, что никто лучше их не окажет животному надлежащий уход. Они, возможно, подумали, что мы не только кошку, но и доллары потребуем вернуть.

— А достаточно будет оставленных денег? — поинтересовался Виктор.

— Достаточно, достаточно, — ответили ему.

— Витя, да ты им на десять лет вперед операции всех кошечек спонсировал, — засмеялась я.

— Надеемся, что кошечка будет выздоравливать, — сказал Витя в телефонную трубку, — не сдохнет, поди?

— Что вы, что вы, — успокоили его, — у нас никто не сдохнет.

Витя заказал шампанского на всех, кто был в зале. Тревожный день оканчивался весело.

Назавтра мы расклеили объявления в том районе, где была сбита кошка, а также подали объявление на телевидение. Особо надеждами себя не тешили, но через некоторое время случилось маленькое чудо. Мне позвонила пожилая женщина и дребезжащим голосом принялась усиленно благодарить за спасение ее кошки.

— Вы знаете, — щебетала она, — моя Мармуня никогда не бывала на улице, а тут решила прогуляться, вот и попала в беду.

У нее, оказывается, никого не было ближе этого существа. Женщина вздохнула, рассказывала, как она искала Мармуню, как увидела объявление, ринулась в ветлечебницу и вновь обрела дорогую подружку.

— Как я могу отблагодарить вас?

— Не надо, что вы!

— Нет, я хочу встретиться и отблагодарить! Вы спасли мою Мармуню.

— Честно сказать, и не я вовсе, а моя сестра с мужем, я была с ними за компанию.

— Обязательно приведите их! За свою Мармуню я пирогами и наливочкой всю вашу команду отблагодарю!

«Отнюдь не сволочную...» — подумалось мне.

А потом как-то раз я смотрела передачу, где священник отвечал на вопросы, его спросили, можно ли ставить большой кошке свечи за здоровье. Протоиерей Дмитрий Смурнов ответил категорическое «нет», и никаких исключений быть не может!

— За кого вы будете молиться? — ехидно вопрошал он. — За рабу божью Мурку?

Оказывается, запрещено подходить к Богу с таким вопросом, а мы — балбесы в отношении религии. Но меня почему-то ничуть не смущал тогда и не смущает сейчас тот факт, что мы ставили свечки за здоровье кошкиной души и просили о выздоровлении Мармуни, даже не зная её имени.

Сроду-роду

Даже скучная свадьба запомнится своей скучностью. Однако свадьбу моего брата, деревенского бугая Сашки Барабанова, скучной не назовешь.

Хотя поначалу действительно было тоскливо. Молодые волновались, родители вздыхали, матери украдкой утирали слезу, отцы всем своим видом показывали, что они тоже чувствительны к судьбам детей, но крепятся, так как мужики. Их сочувственно похлопывали друзья по плечам, говоря, что очень понимают деловитую сдержанность отцов семейств.

Сашка женился на Маринке Шерстобитовой. Деваха как деваха, ничего особенного, за исключением широкого рта и болтливости языка. Тем удивительнее, что на свадьбе она являла собой олицетворение молчаливости. Пару раз у мужиков возникал вопрос, не прищемило ли ей язык? Бабы толковали это по-своему: мол, в жены готовится – мудреет. На свадьбе Марина была хороша. Конечно, все называли ее красавицей. Хотя до красавицы Маринке так же далеко, как до Китая пешком от ее родной деревни Меркитасихи.

Гости с Маринкиной стороны, несмотря что родом почти все из этой самой деревни, вели себя так, словно «из городу Парижу». Известно, что парижане отличаются галантностью, со своими добры и великодушны, а с посторонними сдержанны. Так и вела себя шерстобитовская родня – в своем кругу весела и приветлива, но на барабановскую стаю смотрела молчаливо и подозрительно, и даже, как пока-

залось самому жениху, враждебно, причем более всех отец невесты – будущий Сашкин тесть. Но Шерстобитов-главный, то есть отец Маринки, никак не мог смотреть враждебно, так как у него взгляд был в замутнении. Пил с прошлой субботы, говоря жене, что свою кровиночку Маришку замуж выдает и по данному поводу грустит нещадно. Пить-то пил, но на ногах держался, боясь ударить в грязь лицом.

Отец жениха, старший Барабанов, будущий Маринкин свекор, тоже не хотел иметь грязный вид лица, поэтому так же, как сват, держался, хотя и сам пил, кажется, с предыдущей субботы. Так что оба свата были в одинаковом состоянии и настроении, но каждый про другого думал: алкаш.

Жены не особо обращали на них внимание, так как занимались свадьбой детей, но все время от времени давали своим непутевым суженым всякие ЦУ. И одна, и вторая шипели одинаковое в уши главам семейств:

– Хватит пить! Опозориться еще не хватало!

На что те отвечали:

– Да где я пью? Ну, мать, ты даешь!

Жены сдвигали брови, грозили им указательным пальцем, а в некоторые разы даже кулаком и уходили дальше руководить свадьбой детей.

Приглашенных насчитывалось много. Это радовало. Радовало потому, что вызвонили всех – даже седьмую воду на киселе. То есть не будет пересудов и обид, что кого-то не позвали. Все ждали веселья и радости, хотя излишняя с обеих сторон суетливость сбивала настрой.

В загс подтянулась основная масса гостей. Приехали из города шерстобитовские родственники. Барабановские сразу записали их в когарту надменных и высокомерных. Женщин особенно раздражала дамочка с вуалью на шляпке-таблетке. Ее звали Нонна. Пышнотелая гостья курила длинные тонкие дамские сигареты, которые в ее сардельковидных пальцах терялись, и казалось, что она просто подносит два пальца ко рту, имитируя курение, как дети. Она делала глубокий вдох, и ее скалистые груди вздымались чуть ли не до самого подбородка. И деревенские мужики, глаза на нее, то поднимали, то опускали головы, следя за каждым движением ее мощной груди. Все без исключения, кроме жениха

Сашки Барабанова. Он почему-то сразу невзлюбил ее, проявив солидарность с женщинами своего рода, и презрительно окрестил «пилюлей», наверное, из-за шляпки-таблетки.

Однако муж этой круглой дамочки, Вениамин, давно насытись объемами жены, заглядывался на тощую-претошую девицу из рода Барабановых — Катюху. Глядя на нее, он выносил уста далеко за пределы своего лица. Со стороны это выглядело так, словно он делал гимнастику для губ. Обычно подобным образом упражняются певцы или ораторы перед выступлением, но навряд ли гость собирался петь сейчас, да и трибуны никто не обещал. Нонна окидывала полупрезрительным взглядом ту самую девицу, на которую украдкой, но жадно глазел ее благоверный. А Катюха, чувствуя повышенный интерес со стороны шерстобитовского гостя, залиvisto хохотала над чьими-то чрезвычайно глупыми анекдотами явно для того, чтобы еще больше привлечь к себе внимание.

Родня жениха и невесты держалась по разные стороны баррикад, но явной враждебности все-таки не наблюдалось. Хотя жених Сашка время от времени посматривал на будущего тестя, будучи уверенным, что тот кидает на него совсем не мирные взгляды. Разодетые и наглаженные шерстобитовские вели себя важно, по-деловому. Из барабановской родни многие ходили, словно проглотив кол. Они, подобно шерстобитовским родственникам, вели себя подчеркнуто вежливо и даже интеллигентно. Все галантно раскланивались друг с другом, пожимали руки, даже целовали ручки. Этакие леди и джентльмены местного разлива. Что касается спиртного, то, конечно же, до самого банкета пили, причем немало, но делали это как бы нехотя и даже брезгливо, всем своим видом показывая, что они за здоровый образ жизни, но ничего не поделаешь! — свадьба обязывает поднимать бокалы за счастье и здоровье молодых.

По правде говоря, Шерстобитов-главный не был доволен выбором дочери, считая, что бугай Сашка Барабанов не самая подходящая кандидатура для его Маришки. Но Шерстобитова особо-то никто и не спрашивал, поэтому ему пришлось смириться с выбором дочери. Родители же Сашки, наоборот, были очень довольны, что сын женится и наконец угомо-

нится. Они уже устали от бесконечных жалоб всей деревни. Сашка прославился именно тем, что держал в страхе всю округу. Его любили и боялись. Любили за справедливость и поэтому боялись его праведного гнева. А в гнев, тем более в пьяном, Сашка представлял опасность для лиц, рук, туловищ, а также одежды и имущества деревенских жителей. Он был силен, как три богатыря вместе с конями. Его кувалдовый кулак бил точно и больно. Причем сам Сашка легко сносил удары. Однажды в драке его ударили ломом, так у него не то что синяка не выскочило, не покраснело даже! Зато обидчик понес суровое наказание. Но не ломом, а сердитой Сашкиной рукой.

Казалось бы, тестю радоваться надо, что зять не даст дочь в обиду, тем не менее Шерстобитову хотелось сосватать кого-нибудь поинтеллигентней. Например, Арсения, одноклассника дочери, который тоже присутствовал на свадьбе со стороны Шерстобитовых. Умный мальчик, в очках. У того на уме не драки, а аспирантура. И Маринка бы жила в городе и ходила на каблуках, а может, и в шляпке с вуалью. Так нет же, выбрала галоши...

Сашка Барабанов в отношении присутствия Арсения восторга не выражал, его страшно бесило, что Шерстобитов-старший явно симпатизирует этому умнику. Жених кидал тяжелые, как его кулаки, взгляды на Арсения, но тот лишь насмешливо хмыкал и дергал носом. Не только одному Сашке не нравился этот гость. Его другу, свидетелю Димке Копыляеву, Арсений тоже пришелся не по нраву, а все потому, что шерстобитовский заглядывался на его даму сердца — Ленку Авдееву. Правда, Ленка Димке все время давала от ворот поворот, но Копыляев был уверен, что рано или поздно растопит лед в сердце первой красавицы деревни.

Вообще-то, первой красавицей деревни считалась Танька Барабанова, но у Копыляева имелся свой измеритель красоты, и его зашкаливало лишь на одну Ленку Авдееву. А данная особа, между прочим, тоже посматривала на Арсения, время от времени приоткрывала рот и теребила выбившуюся из прически завитушку. Копыляев был уверен, что девушка дразнит его, Димку, и хочет, чтобы он поревновал ее к Арсению. Свидетеля удручало, что большую часть

времени нужно будет посвящать новобрачным, а не его зазнобе. Поэтому он нервничал и суетился больше кого бы то ни было, ибо приходилось совмещать личное с общественным.

Покуда Вениамин, дергая устами, украдкой поглядывал на тощую Катюху, а интеллектуальный Арсений – на томную Ленку, злились не только Нонна с ее выдающимся бюстом и горячий Димка Копыляев, не находил себе места и жених первой красавицы деревни Таньки Барабановой Андрюха. Если барабановские заглядывались на Нонну, то шерстобитовские откровенно поедали глазами Таньку. Ее статуэтная фигура, глаза цвета предзакатной морской волны, багряные губы затрагивали поэтические струны в душах чувствительных шерстобитовских, особенно городских. И Андрюха жаждал начистить их карамельные физиономии. За Таньку он уже давно накомстылял всем местным, дерзнувшем заглядеться на его будущую невесту, теперь же география расширялась. Танька, однако, вела себя очень отвлеченно и на вожделяющие взгляды шерстобитовских не обращала никакого внимания, давая всем понять, что она при мужчине, но ее недоступность их еще больше заводила.

Пусть и нехотя, но все же к началу застолья большая часть приглашенных особей мужского пола была на изрядном веселе. Свадьбу играли в доме жениха. Традиционно из самой большой комнаты вынесли мебель и поставили столы буквой «П». У перекладины этой буквы восседали брачующиеся, свидетели и родители, а вот гости, даже не сговариваясь, рассаживались каждый к своему клану. То есть по одну сторону молодых садилась шерстобитовская родня, по другую – барабановская. Перекидывая ногу через скамейку, чтобы сесть за стол, почти каждый облизывался и потирал руки от удовольствия. Еще бы! Чего только не сулила желудкам сегодняшняя свадьба! Столы ломились от обилия праздничных кушаний. Тут были и салаты оливье, и розариями нарезанные колбаски, и король застолья – холодец, и какие-то рулеты, и какие-то паштеты – всего не перечислить. Запотевшие бутылочки радовали глаз и манили. Шерстобитовские были голоднее, так как им пришлось больше времени затратить на путь,

поэтому их глаза с большей жадностью взирали на свадебные разносолы, однако все сидели чинно, ожидая момента, когда можно будет приступить к поеданию.

Сначала зачитывался какой-то дурацкий сценарий с кучей дежурных слов, написанный далеко не Володарским и даже не Тонино Гуэрро. Копыляев-свидетель не всегда был точен в попадании в сценарную реплику, так как следил за Арсением и Ленкой. Они явно друг другу симпатизировали. Димка своими глазами видел, как этот умник подмигнул Елене Прекрасной из одной половины комнаты, а красавица ответила ему тем же из другой. От возмущения Копыляев аж задохнулся. Теперь ему уж точно было не до сценария. Его переполнял праведный гнев. И на фразу свидетельницы, подружки невесты, что, мол, соберись или получишь в лоб, даже не отреагировал. Он усиленно смотрел за тем, как интеллигентшишка наглым образом клеится к его почти невесте. И, когда в очередной раз его пихнула свидетельница, он даже не стал искать в сценарии фразу, которая по степени очередности принадлежала ему, а крикнул то, что у него было сейчас на душе:

– Горько!

– Наконец-то! – и сказали, и подумали гости.

После этой фразы молодые резво соскочили со своих мест и так припали друг к другу, что гостям опять увиделась долгая отсрочка угощений. Уж очень хотелось выпить и закусить. И вот он – вождельный миг! Бокалы взвились и ударились друг о друга в едином порыве. Губы жадно припали к их содержимому и осушили до дна. Стало немного легче. Приглашенные оживленно застучали вилками, ложками, в ход пошли все столовые приборы. Затем несколько минут люди сосредоточенно жевали, не отрывая взгляда от своей тарелки и с новым волнением поглядывая на пустые рюмки.

Как раз в этот момент к присутствующим присоединилась Катюха. Она удалялась домой, чтобы сменить наряд. Конечно же, изначально на фоне изысканной, как казалось деревенским, Нонны девушка выглядела чересчур простовато. Зато сейчас Катюха тоже была при шляпке, которая, правда, сидела на ней как на корове седло и вызвала смех у ее родни. Куда, мол, тебе такой-то да в калашный ряд. Но насмешки родственников

девушку мало интересовали. Взгляд Вениамина красноречиво говорил, что она хороша! Однако этот особый мужской взгляд был перехвачен его женой, после чего Нонна надменно взглянула на Катюху и мысленно послала ей приказ не смотреть в сторону Вениамина, иначе будет хуже. Но Катюхе Нонна была по барабану. Зря она, что ли, ходила домой переодеваться. Никакие Нонны ей не страшны. Вениамин знал о бойцовских качествах своей жены и побаивался, его охватило сильное волнение, и он, как-то сам от себя не ожидая, воскликнул:

– Горько!

И вновь под звоны бокалов молодые, тесно прижавшись друг к другу, страстно целовались в уста.

Сашка Барабанов нервничал. Еще бы, жених, а после загса почитай уже муж! В центре внимания, даже поцелуи — прилюдно. Но не только это волновало и будоражило его. Уж больно ему не нравился сосед, что сидел неподалеку от него. Не нравился, как казалось Сашке, своей мрачностью и надменностью. Сашка поглядывал на этого соседа, своего будущего тестя, а особенно ловил его взгляд, когда целовался с невестой. С какой ненавистью смотрел на него этот человек, словно готов был пошинковать его, как капусту. Сашке еще и потому хотелось почаще целовать молодую, чтобы еще раз убедиться в правильности своих суждений относительно тестевского взгляда.

Если Сашка Барабанов следил только за одним человеком, своим тестем, то Андрюха — официальный ухажер Таньки Барабановой, первой красавицы деревни, не знал, в какую сторону и смотреть-то. Ему мерещилось, что все до единого Шерстобитовы пялятся на его Таненьку. И чем больше Андрюха пил за здоровье молодых, тем ему больше казалось, что взгляды эти множатся и множатся. Вон тот, например, с крупными ручищами, приехал под видом гостя на свадьбу, а у самого на уме заграбастать его будущую невесту. Или другой сидит облизывается. А этот, а тот... да все они! А Таненька — молодец! Не поддается искушению. А может, она делает вид? Нет, не похоже. А может, она все-таки скрывает что-то? Может, у нее с кем-то из них было? Андрюха непроизвольно сжал кулаки. В глаза мне смотри, в глаза! Нет, пожалуй, не бы-

ло, в глазах сквозит равнодушие ко всем шерстобитовским мужикам. Вот умница! Не такая потаскуха, как ее двоюродная сестра тощая Катюха. Вон как с Вениамином Шерстобитовым переглядывается, еще и шляпу нацепила, как его женка Нонна. Сними шляпу, дура, не позорься! Где это видано, чтобы деревенские в шляпах ходили. А Таненька моя — верная. А эти шерстобитовские ухари хотят ее соблазнить. Держись, моя красавица, я тебя в обиду не дам. И кулаки Андрюхи вновь непроизвольно сжались. Он готов идти войной на неприятеля, защищая честь любимой женщины. Ведь и вправду говорят, что все войны из-за женщин.

А тем временем местная Елена Прекрасная, то есть Ленка Авдеева, возлюбленная Копыляева, куда-то удалилась. И как Димка проморгал момент? Дался ему этот никчемный сценарий! Все равно уже никто не слушает или делает вид, что слушает, а сам мечтает о том, чтобы опрокинуть рюмочку. А Арсенька-то где? Это пока тут он, свидетель, шуточками да прибаутками налаживает личную жизнь своего друга, его, копыляевская, личная жизнь разлаживается. Ну уж нет! И Копыляев, вскочив со своего свидетельского почетного места, рванул в сторону выхода. «Кто ж столько назвал гостей-то?» — с досадой думал горячий деревенский парень, подогреваемый ревностью и сорокаградусной. Он пробирался через сидящих Шерстобитовых, вороша их, словно пчелиный улей, слыша отовсюду гул недовольства. Уж извиняйте, что помешал вам водку жрать, лучше бы за своим интеллигентом приглядывали, чтобы чужих девушек не охмурил! Хотя у них и не было договоренности с Ленкой на сей счет, что она его, но Копыляев верил в это всем сердцем.

В тот момент, когда Копыляев пробирался через шерстобитовскую родню, Ленка Авдеева была непонятно где. Кстати, Арсений тоже. Андрюха сжимал кулаки, Танька мирно уплетала салат оливье, Нонна бешено смотрела на выдвигающиеся уста своего благоверного Вениамина, а Катюха поправляла шляпу. Народ пил, закусывал и был дружен, но каждый в своем клане, и всё более обособленно, независимо.

Сашка, возбужденный алкоголем и поцелуями невесты, в очередной раз посмотрел на тестя. Выражение лица последнего, как показалось

жениху, стало еще более надменным. Мало того, тесть что-то гундосил про несовершенство поданных блюд, соли ему, видите ли, было мало. Сашка окинул взглядом шерстобитовскую половину. До чего мерзкие надменные физиономии! Вон и еды мало съели. Не нравится? Брезгуете? Соли вам мало, как и вашему главному? Сашка вновь посмотрел на отца невесты. Тот собирался встать. Наверное, чтобы выразить свое недовольство! Жених аж задохнулся от такой мысли. Сашка ударил кулаком по столу, да так, что подскочили все до единой рюмки, потом вскочил и звонко хлопнул в ладоши:

– Ребята! Бей шерстобитовскую родню!

И первый его кувалдовый удар пришелся akurat в ненавистную челюсть человека, собиравшегося произнести свадебный тост. В человека, чье имя было Иван Ефимович Шерстобитов и который с нынешнего дня приходился тестем Александру Барабанову.

Все словно ждали этого Сашкиного удара. Что тут началось! Копылаев, к своему счастью, уже вырвался из логова врага и в момент, когда деревенский здоровяк выкрикнул лозунг дня, на выходе из комнаты столкнулся с ничего не подозревающим Арсением. Так ничего и не подозревая, ненавистный Димке интеллигент получил удар и с большим недоумением на лице медленно присел на порожек. Димка схватил его, нечего, мол, рассиживаться, и начал мутузить с такой искренностью, с какой рассказывают о себе что-нибудь сокровенное.

Андрюха резво перескочил через стол, опрокинув часть содержимого на пол. Ему было труднее, чем Димке, ведь у того был прицельный враг, а у Андрюхи их целая россыпь, и он не знал, с кого начать. Раздумывать некогда, поэтому он стал бить первого попавшегося, одновременно уворачиваясь от ударов, которые обрушились на него со всех сторон. Он пытался зацепить как можно больше шерстобитовских и действовал успешно.

– За Таненьку! – кричал он, и в этом возгласе так и звучало: «За Сталина!»

А Нонна, вот предательница, забивала голы в свои же ворота, отпуская пощечины муженьку. Тот боялся лишь одного, чтобы она не применила свое ядерное оружие – ногти, и всем своим видом пытался показать, что уже нещадно бит и

держится из последних сил. Ярким свидетельством тому стала хлынувшая из его носа кровь. Катюха, увидав, что Вениамин истекает кровью, крикнула:

– Наших бьют!

И кинулась на помощь окровавленному Венечке Шерстобитову. Но не тут-то было, Нонна легко отразила первый же удар. Тогда Катюха вцепилась в «таблетку» на голове врага. Та вскрикнула от жгучей боли, ведь шляпка была приколота к волосам и большой клок оказался вырван с корнем. Шляпа самой Катюхи была не пойми где, поэтому Нонна сразу же вцепилась в волосы обидчицы, и Катюха, зашвырнув в толпу дерущихся «таблетку», применила тот же ход по отношению к жене Вениамина.

Скамейки, столы опрокидывались, посуда с грохотом летела на пол, разбиваясь вдребезги, значительная часть еды тоже оказалась на полу, гости поскальзывались, падали, на них сверху наваливались другие. Визг, писк, стоны заполнили и без того небольшое пространство. Некоторые благоразумные пытались разнять дерущихся, но благоразумных было совсем мало, раз-два и обчелся, тем более что они сами в благородном порыве защитить честь свадьбы так были отоварены, что всякое благородство с них тут же улетучилось, уступая место желанию наказать обидчика. Все смешалось. Уже прилетало и от своих. Разбираться, кто чей, и сортировать по кланам было некогда. Места дерущимся явно не хватало, и они какими-то перекатами, вытаскиванием друг друга очутились во дворе. Мутузили друг друга от души. В своем уме оставались только матери жениха и невесты, а также Барабанов-старший. Он успел в это время пропустить несколько рюмочек, с сочувствием посматривая на дерущихся и сокрушенно подсчитывая ущерб от пребывания варваров в его скромном жилище. Матери тоже пытались разнять обезумевшую родню, но никто не желал им подчиняться. Тогда женщины, взглянув на батарею бутылок шампанского, стоящую в сенях, решили действовать на свое усмотрение:

– А ну, как гонщиков поливают!

Схватив по бутылке, обе женщины встряхнули их и откупорили. Два выстрела прозвучали почти одновременно, бурные потоки шампанского «Надежда» хлынули на дерущихся. Это произве-

ло эффект нейтронной бомбы: всё живое вмиг замерло и оцепенело.

— Э! Э! Вы чего, с ума сошли? Да вы обалдели, что ли? — прекратив драку, вопрошали со всех сторон.

— Кошунство! — возмутился отец жениха Григорий Андреевич.

— Хорош! — особенно грозно рыкнул сам жених Сашка Барабанов. Все глянули на него и увидели, что он тоже сильно повреждён: морда разбита, исцарапана ногтями, на свадебном пиджаке оторван рукав, белоснежная рубашка разодрана. Все это было делом рук Маринки. Барабановские смотрели на своего предводителя с сочувствием, шерстобитовские, конечно же, наоборот, со злорадством и насмешкой. Оказывается, пока все гости дрались на свадьбе, у жениха с невестой была «своя свадьба». Маринка в ужасе от увиденного хотела сбежать от такого муженька, Сашка, разумеется, не пускал ее. Какой его ожидает позор, если невеста убежит прямо со свадьбы, и удерживал ее что есть мочи. Она же лупила его нещадно и за отца, и за испорченную свадьбу. Сашка мужественно терпел, но отпускать Маринку не желал, поэтому, дабы она не сбежала, потащил ее в чулан и там запер. Теперь оттуда доносились ее крики, из которых явственнее всего было:

— На развод! Отец был прав!

Зять и тесть встретились глазами, и Шерстобитов, понимая, что ему сейчас вновь не поздоровится, сначала весь сжался, а потом, словно белка, отпрыгнул к калитке и вмиг исчез с поля битвы. Шерстобитовы потянулись за ним следом. Протрезвевшие, проголодавшиеся, измотанные дракой, они были в бешенстве. Сходили, повеселились, называется.

Однако, выйдя за пределы барабановской вотины, не расходились. Стояли, совещались, как же поступить дальше. Вроде бы сволочи эти Барабановы, накостыляли ни за что ни про что. Но опять же, какая свадьба без драки? Шерстобитовы были готовы оправдать своих обидчиков, ведь там, на барабановской территории, столько еще осталось водки и закуски! А главное, что подарки отданы. Да и свадьба только началась...

Пока Шерстобитовы предавались рассуждениям, Барабановы время даром не теряли. Они дружно очистили пространство от мусора, пос-

тавили стол, теперь уже буквой «Т», и честным пирком да за свадебку. Только невеста пока что сидела в чулане, не желая показываться гостям.

Тем временем шерстобитовские продолжали искать ходы к возвращению, да так, чтобы их встретили с извинениями и распростертыми объятьями.

— Пусть в ногах у нас поваляются! Сроду-роду такого хамства не бывало! — кричал Иван Ефимович, внезапно сильно опьянев на свободе. Это грозило новой войной, а Шерстобитовы понимали, что повторный бой они уже не вынесут. Пока Барабановы собирались с силами, выпивая и обильно закусывая в тепле, бедные Шерстобитовы мерзли на мартовском снегу, отдавая последние силы на обогрев. К тому же какое-то время они так и стояли в легкой одежде, пока им через забор не побросали верхнюю. Ивана Ефимовича никак нельзя было пускать за калитку, поэтому родня, перехватив новоиспеченного тестя, думала, что с ним делать. А тот, вырываясь, клял и материл Барабановых:

— Сроду-роду на Руси такого не бывало!

Его стали тащить в машину, но пьяный Иван Ефимович отчаянно сопротивлялся, звездообразно расставлял руки и ноги, и с ним пришлось долго возиться. С семидесятой попытки его все же усадили в машину.

— Сашку Барабанова мне на растерзание привезите! — орал он, уезжая.

— Об этом не беспокойся! — клялись ему вслед.

Отправив своего буйного предводителя, Шерстобитовы собрались на примирение к Барабановым. Но тут из калитки выскочили невеста Маринка и её мамаша, которая тайно вывела свою дочь из чулана и вместе с ней совершила побег. Шерстобитовых так и перекорёжило — как они придут в тот дом, откуда сбежала невеста? И не тащить же ее обратно! Поэтому, плюясь и отпуская нелестные словечки в адрес новой родни, побитые шерстобитовские уныло и нехотя побрели в сторону автобусной остановки. До Меркитасихи — десять километров, и осилить такое расстояние пешком им сейчас было не под силу.

— Отца надо было слушать, — укоряла старшая Маринкина сестра, кивая на Арсения. Но тот с синяком на пол-лица уже не производил своего прежнего интеллигентного впечатления.

Нонна и Вениамин находились друг от друга на приличном расстоянии. Дама, теперь уже без шляпки, шла, гордо подняв голову и презирая всем своим существом перебежчика-мужа. Вениамин пытался выхватить взгляд жены и преданно посмотреть ей в глаза.

На свадебном застолье Сашка захотел видеть невесту, но обнаружил её исчезновение. Он было бросился в погоню, но его не пустили, навалившись на жениха всей родней. Пришлось даже связать. Малость успокоившись, Сашка умолял друзей бежать вслед за Маринкой, уговорить ее вернуться.

— Она одна не вернётся, — увещевали Сашку.

— Пусть все шерстобитовские возвращаются, хрен с ними! — шёл на уступки огорчённый жених.

Тем временем Шерстобитовы ехали в автобусе и вспоминали детали сражения, сколько кто положил Барабановых, однако в душе-то каждый знал, что Барабановы накостыляли им по полной программе.

— Добродушнее надо быть к родне все-таки, — сказал вдруг один из Шерстобитовых, и было непонятно, кого он имел в виду — своих или Барабановых.

Когда они прибыли в Меркитасиху, за ними приехала делегация Сашкиных друзей на переговоры о возвращении. Но теперь уж Шерстобитовы упёрлись. Дважды посылал Сашка парламентариев, и оба раза переговоры не дали результатов.

— Довыдываются они у меня, — грозил кулаком Сашка. — А ну, братцы, двигаем в Меркитасиху бить шерстобитовскую родню!

Но это уже перестало являться главным кличем дня. Драться никому больше не хотелось, а хотелось тихо-мирно продолжать пировать, пусть и без невесты.

И еще долгое время по всей округе судачили о свадьбе Сашки Барабанова и Маринки Шерстобитовой, повторяя выражение Ивана Ефимовича:

— Сроду-роду на Руси такого не бывало.

Зато теперь, когда кто-либо намеревался жениться или выходить замуж, родня и тех и других заранее испытывала взаимное тепло и уважение.

МОРОЖЕНКИ

Конечно же, правильно будет мороженое, но в тех местах, откуда я родом, говорят именно так — мороженка.

Для многих в детстве слово «мороженое» — магическое. Сейчас, когда полным-полно разных сортов мороженого, такого, как в детстве, все равно нет. А если его не покупали родители, оно становилось еще желаннее. Зимой, если и покупали, давали не сразу, постоянно твердя, что заболеешь, клали в железную посудину и подогревали. Это казалось унижительным, ведь они тем самым показывали, что ты еще совсем мал, а тебе хотелось считать себя взрослым чуть ли не с пеленок. Хотя и в теплом виде, мороженка была удивительно вкусной. Особенно если она растаяла не полностью, а сохранился не сдающий газовой конфорке холодноватый комочек, плавающий среди тягучей массы, бывшей когда-то содержимым вафельного стаканчика.

Мороженку нравилось есть на улице. Она чуть подтаивала сверху в своем домике-стаканчике, и языку было так сладко и радостно обводить по окружности белого лакомства. Если же был стаканчик вафельный, а не бумажный, то через какое-то время он начинал предательски подтекать снизу, и все время приходилось следить, чтобы через размокшее дно не просачивались сладкие капли и не оставляли следов на одежде. Иначе можно было схлопотать подзатыльник. Странные родители... Как будто ты нарочно это делаешь — ускоряешь ее таяние. Приходилось проявлять

проворность и лизать мороженку то сверху, то снизу.

А многие взрослые так вообще кощунствовали над этой радостью детства. Они откусывали мороженку, вместо того чтобы облизывать ее. Причем заглатывали так помногу, что всего лишь за несколько откусов мороженка исчезала в их ртах навсегда.

Еще можно было есть деревянными палочками, но от этого ты только проигрывал, так как большая часть с палочки постоянно доставалась асфальту. Палочками ели, если стаканчик был бумажный, иначе как же дотянуться до его содержимого после того, как съел половину? Вафельный стаканчик, конечно же, выигрывал у бумажного, хоть он и подтекал снизу, но его можно было слопать.

Еще были параллелепипеды с вафельками по сторонам. Но это считалось уже не уличным лакомством, а домашним. Эти параллелепипеды выкладывали на блюдца и поливали вареньем или обсыпали тертым шоколадом. Но подобное гурманство, придуманное взрослыми, не производило должного впечатления, так как искажался сам вкус мороженого.

В виде особого праздника родители водили нас в кафе-мороженое с совсем не подходящим названием «Источник», и там подавалось мороженое в креманках. Но, несмотря на приподнятое настроение ребенка, родители не спешили накормить его шоколадным, ванильным или ореховым мороженым до упаду. В лучшем случае — две порции. Вот тогда думалось: вырасту, заработаю много денег и куплю себе столько мороженого, сколько захочу.

Родители запрещали нам с сестрой выпрашивать что-либо у взрослых, в том числе и у них самих. Очень часто мы даже прибегали к следующей уловке. Когда мама с папой предлагали нам купить что-то вкусненькое, мы всячески отказывались, дескать, понимаем ваше непростое положение и деньги вам не падают с неба, как они вечно сами же утверждали. Сердца их растапливались, и они сами настаивали на покупке лакомства своим ненаглядным и при этом очень скромным детишкам.

Наши родители были хорошими, но не ангелами. Особенно отец. Чего греха таить — лю-

бил выпить. Даже однажды пропил золотые мамины серьги, которые ей же сам и подарил в пору ухаживания. Они расстались с мамой, и он уехал на родину. Но время от времени, несколько раз в году, приезжал навестить меня и Юлю, мою сестру. Кстати, так назвала ее именно я. У меня была подруга в детском саду Юлька Хлебникова. Мы в ту пору с ней очень горячо дружили, и поэтому я обещала, что ожидаемую сестру родители обязательно назовут в ее честь. Когда ребенок появился на свет, ему хотели дать другое имя, на что я грозно сказала:

— Детей больше можете не рожать!

Не знаю, так ли сильно подействовала на них моя угроза или по какой другой причине, но сестру назвали Юлией. А я через некоторое время ещё стала звать ее по-своему — Юлишна.

Когда отец приезжал нас проведать, то всегда привозил подарки, правда, в основном это были продукты севера — рыба, ягоды, кедровые орешки. Нас с сестрой этот набор, конечно же, мало впечатлял, поэтому по приезду отец всегда ходил с нами в какой-нибудь магазин и, к ужасу мамы, покупал нам всякую дребедень (как считала она), вместо того чтобы купить что-нибудь путное. Однако отец здесь был ни при чем. Это мы (нет, не просили!) намекали, чего бы нам хотелось иметь, и папа безропотно исполнял наши желания.

Однажды купил мне, ученице третьего класса, дипломат. Все дети как дети, ходили в школу с портфелями и ранцами, а я еле-еле, но гордо вышагивала с черным дипломатом, который был, зараза, тяжел и ровно вполтину меня.

В очередной раз отец, приехав, зашел за мной в школу. Занятия наши закончились, но предстояло быть какому-то школьному мероприятию. Поэтому отец пошел за Юлей в детский сад, чему несказанно ее обрадовал, так как ей не пришлось утомлять себя сном во время тихого часа. Они сходили в кинотеатр «Восход», посмотрели мультфильмы. По пути домой решили заглянуть в тот самый «Источник», чтобы полакомиться креманочным мороженым, но, к огорчению маленькой Юли, на стеклянных дверях кафе висела убойная надпись «Учет».

– Ну, ну, не расстраивайся, – обнадежил отец, – сейчас купим на улице.

И действительно, стоило им отойти от «Источника», как они увидели известный всем холодильник с не менее известным содержанием. На табуретке по другую сторону холодильника сидела пожилая продавщица мороженого и лениво зевала. Юлька вприпрыжку очутилась перед вожделенным вместилищем лакомства всех детей и народов. Она радостно заглядывала в глубь ящика с крышкой из прозрачного стекла. В нем в одной части лежали россыпью вафельные стаканчики с белым холодным сладким наполнителем, а в другой – картонные коробки, в которых уже в стройном порядке, а не как попало, прижимались друг к другу мороженки. «Везет!» – подумала девочка, глядя на хозяйку заветного холодильника. Кто же из нас в детстве не мечтал быть на ее месте?

– Будьте добры, две штуки, – сказал отец, протягивая деньги.

– А тебе? – Юлька вопросительно посмотрела на отца.

– Что мне? – не понял он вопроса.

– Ты, что ли, не будешь мороженку?

Отец рассмеялся и достал из кармана мелочь.

– Еще одну.

– А вдруг ты еще захочешь? – Юля была сама предупредительность.

– И еще одну, пожалуйста.

Продавщица всем своим видом показывала, как она недовольна. Ее лоб был собран в гармошку, а накрашенные ряно-морковно губы поджаты.

– Вы уж решите наверняка, сколько брать будете, – фыркнула она, доставая из лотка вафельный стаканчик.

Отец с дочерью, взяв мороженое, отошли от продавщицы и от ее холодильника.

– Вкусно, – сказала Юля, лизнув мороженку.

– Угу, – согласился отец, откусывая свою, – холодная, – посетовал он. – Ешь осторожно, вторую, пожалуй, дома съешь.

– Так это Наташке, – вдруг проявив сознательность, сказала маленькая Юля, имея в виду меня.

Отец чуть не поперхнулся мороженкой. Ну надо же! О сестре заботится!

– Ешь, ешь, деточка, – ласково сказал он, – Наташе сейчас купим.

Они вернулись к лотку. Продавщица вяло посмотрела на них.

– А это Наташке, – сказал отец, покупая мороженку.

– Так мне-то две! Значит, ей тоже две надо.

Отцу было крайне неудобно перед продавщицей. Он вообще был из стеснительных.

– Наташке одной хватит, – возразил он, лишь бы не покупать больше мороженое у неприветливой женщины.

– Как одной? Нам по две, а ей по одной?

Отец повернулся в сторону лотка.

– Извините, пожалуйста, – виновато обратился он к женщине в чепчике, отороченном белыми рюшами, – мне бы еще штучку.

– Мужчина! – не выдержала продавщица. – Я уже устала от вашей парочки. Сколько еще надо мороженого?

– Одно.

Мороженница подала еще один вафельный стаканчик, без особого желания взяв за него деньги.

– А маме? – неожиданно сказала Юлька.

– Поделитесь с матерью.

– Еще маме надо! – чуть не захныкал ребенок.

– Вот маме, оказывается, еще надо... – Отец боялся встретиться с продавщицей взглядом.

Это мороженое было чуть не запущено в покупателей.

– И бабушке, – не унималась Юля.

– И бабушке, – повторил отец, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы издеваетесь, что ли?! – взревела продавщица.

– И дедушке, и Мишке, и... – Юля принялась перечислять всех своих многочисленных родственников.

– Да возьмите вы сразу коробку! – вдруг мирно сказала продавщица. – Раз у вас столько родни и все любят мороженки.

– Давайте, – приободрился отец. – Дайте коробку мороженого! Нет, две! Две коробки мороженок.

– Куда столько? – удивилась Юлька. –

Деньги-то тратить, — вздохнула она не по-детски, — не съедим ведь.

— Так мы всех угостим!

— Кого всех? — Юлишна вытаращила глаза.

— Кого, кого? Людей!

— Так мы только нашим хотели купить.

— А кто чужие-то? Все наши, — и отец обвел взглядом улицу.

— Наши? — Юлькиному удивлению не было предела.

— Наши, — подтвердил отец, — ты думаешь, родня только бабушки и дедушки?

— Нет, еще сёстры и братья.

— Так, дочка, мы все сестры и братья! Мы все — родня. Все человечество!

И отец, расплатившись за две коробки мороженок, причем ему пришлось выворачивать карманы и наскребать деньги на угощение человечеству, двинулся в путь. Следом за ним семенила Юлька, держа в руке пакет с мороженками, купленными ранее в розницу.

Они шли по улице. Отец и дочь. Два самых-самых близких родственника. И каждому встречному с детской радостью дарили вафельный стаканчик. Люди воспринимали это по-разному. Кто-то удивленно смотрел на взрослого усатого мужчину как на чудика, кто-то улыбался и покорно благодарил, кто-то был крайне насторожен, кто-то и вовсе отмахивался.

— Да мы же от чистого сердца, — объяснял отец.

Юлька давно уже доела свою первую мороженку.

— Бери еще!

— Нет, — замотала она так отчаянно головой, что с нее чуть шапка не слетела, — вдруг не всему человечеству хватит.

Домой Юлька пришла важная. В руках она держала коробку, внутри которой на дне перекачивалось штук двадцать мороженок, оставшихся от восьмидесяти с лишним.

На вопрос, где они были, девочка ответила гордо:

— Мы с папой человечество кормили!

Болготки для «СНЕЖИНКИ»

Приближался Новый год. Почти все от мала до велика находились в его ожидании. В округе царил предпраздничная суета. Наступление Нового года сопровождалось обильными снегопадами. «Эка невидаль», — скажет кто-нибудь. Обычное явление для Сибири. Но еще несколько дней назад люди вымаливали этот снег у природы. Голые тротуары, непокрытая земля смотрелись дико и даже неприлично.

— Новый год на носу, — сетовали жители города, — а мы словно не за Уральским хребтом живем. Где снег-то?

А тут еще передали по телевизору, что где-то в Африке снегопад. Это известие и возмущало, и удручало. Когда же снег выпал, сибиряки смотрели на обычное для них явление как на чудо природы.

Вера с пятилетней дочкой Катей шли по заснеженной улице, заходя во все магазины одежды и торговые точки. Повсюду сновали снежинки, и девочка подставляла им ладошку, на которую приземлялись снежинки всех мастей и размеров, но она даже не успевала любоваться ими, так как они тотчас таяли и превращались в невидимок.

Катюшка и сама была «снежинкой». Она вместе с девочками из детсадовской группы участвовала в новогоднем утреннике, и уже целую неделю «снежинки» репетировали хоровод. По этому случаю всех девочек требовалось обрядить в белые одежды. Вера еще на прошлой неделе подыскала наряд для дочери,

оставалось лишь купить белые колготки. Но, к ее огорчению, ни в одном из магазинов их не было. Продавцы разводили руками.

– Были, были, – жалеючи, подтверждали они, – разобрали.

И тут же предлагали на выбор детские колготки иных цветов. Красные, лимонные, даже фиолетовые. Но ведь «снежинка» обязана быть в белых.

На улице смеркалось. Нещадно валил снег. Поднялся ветер. Хныкала Катюшка. Не купив колготки, как можно возвращаться домой? Утренник уже завтра в десять. Вера ругала себя, что накануне не позаботилась. Но она и представить не могла, что купить белые колготки для ребенка окажется такой неразрешимой проблемой. Катюшка все больше и больше куксилась, и Вере даже пришлось на нее прикрикнуть. Катя поджала губы и отвернулась. «Вот наемся снега и заболее!» – думалось ей, и она широко открывала рот, подставляя его падающим с неба хлопьям. А один раз, когда мама не видела, зачерпнула горсть снега и стала его жадно есть. Катюшке не очень-то хотелось быть «снежинкой», а еще больше не хотелось ходить по сердитым холодным улицам и искать эти белые дурацкие колготки.

На одной из улиц Вере и Катюшке встретилась мама одной девочки из Катиной группы. Ее дочь тоже должна быть завтра «снежинкой» в хороводе. Женщина рассказала, где ей посчастливилось купить беленькие колготочки, и посоветовала Вере сходить туда же.

Это был небольшой ларек, торгующий одеждой. Работница павильончика уже собиралась закрывать, как одна за другой вошли Вера с дочкой и еще какая-то женщина. Вера окинула взглядом товары. Подошла к витрине, где лежали детские колготки. Чисто белых она не увидела, но зато имелись белые в ярко-синий горох.

– Мама, давай купим эти, – и Катя указала на них, но мать отмахнулась.

– Скажите, нет ли у вас случайно в продаже детских белых колготок? – спросила у продавщицы женщина, одновременно вошедшая с ними.

– Все разобрали, – устало ответили ей в ответ.

– Весь вечер бегаю после работы в поисках этих колготок. Никак не могу найти. Нет нигде.

– Мы тоже, – присоединилась к разговору Вера, – всё обошли, колготки всякие есть, кроме белых.

– Ума не приложу, что делать, – сказала женщина, – завтра у дочери утренник. Она будет «снежинкой». В чем ее вести на этот праздник?

– Так и у моей завтра утренник, – Вера кивнула в сторону дочки.

– Мама, давай эти в горошек купим, – заказничала Катерина, как только на нее обратили внимание.

– Перестань сейчас же!

– А может, осталось где-нибудь на складе? – с надеждой в голосе спросила незнакомая женщина.

– Да какой склад?! – усмехнулась продавщица. – У нас все здесь.

Вера направилась к выходу, держа дочь за руку. Явно, что им колготки сегодня не купить. Она прикидывала, у кого можно их взять напрокат на завтрашнее утро. Никто не приходил в голову.

– Ой! Вспомнила, – вдруг раздался голос продавщицы, – уже ведь закрываться надо, а она и не пришла вовсе.

И она достала из-под прилавка белые колготки.

– Это сегодня отложили почти под вечер до закрытия. Бабушка внучке хотела купить. Попросила отложить, так как не знает, купили девочке колготки или нет, да и с размером боялась ошибиться. Хотела сходить принести те колготки, которые сейчас впору внучке, да померить с этими. Не пришла чего-то.

Другая женщина была вне себя от радости. Стала копошиться в сумке, искать кошелек. Вера вернулась обратно к прилавку.

– Вы не уступите мне колготки? – робко спросила она незнакомку.

– Еще чего! – выстрелила та.

Вера понимала, что упрашивать бесполезно, так как у лихорадочно роящейся в сумке женщины дочь тоже будет «снежинкой».

– Мама, а давай купим в горошек! – вновь заладила Катя.

– Катерина, – Вера строго взглянула на дочь.

Ей было неудобно, но она еще раз попыталась спросить у женщины про колготки.

— Они вам очень нужны? Так же, как и нам?

Женщина посмотрела на нее с ненавистью во взгляде и одновременно со встречным вопросом — мол, ты глупая, что ли?

А Катя не успокаивалась с этим горохом. Дался он ей.

Женщина долго рылась в сумке. И продавщица уже сурово посматривала на нее.

«Хоть бы она не нашла кошелек, — промелькнуло в голове у Веры, — хоть бы она его забыла дома».

— Куда он подевался? — злилась незнакомка.

Она так боялась, что у нее из-под носа сейчас уведут колготки, что с каждой секундой становилась все злее и злее.

— Вот балда! — вдруг воскликнула она. — Он же у меня в кармане.

Затем ловким движением пальцев достала его из кармана шубы.

— Сколько?

Продавщица назвала цену. Женщина быстро отсчитала мелочь и протянула ее продавцу. Та пробила чек, дала сдачу и принялась складывать колготки.

Вера уже во второй раз повернула в сторону выхода.

— Подождите! — взвизгнула покупательница.

— Это что?

— Как что? — удивилась продавец. — Колготки.

— Я вижу, что это колготки! Что это за размер, я вас спрашиваю.

Она прямо перед носом продавщицы трясла белыми колготками.

— Что вы мне суετε?

— Что я вам сую? — занервничала продавщица. — Это единственная пара, я же говорила.

— Но они даже на мизинец не полезут моей девочке.

— А я почему знаю, какой у вашей девочки мизинец.

— Так они же на детей лилипутов!

— Почему лилипутов? Здесь же русским языком написано: на возраст пять лет.

— Китайские маломерки, — презрительно фыркнула покупательница.

— Ну, знаете, я вас не просила их покупать, сами умоляли, их вообще все разобрали, говорила

же, что эти отложили до закрытия. Что я, тут вечно сидеть буду? Я уже пятнадцать минут как должна была закрыться. Так берете или нет?

— Зачем они мне? Они малы нам, вы понимаете, малы!

«Все. У Кати будут колготки!» — радостно выдохнула Вера.

Уже стемнело. Зажглись фонари, словно блестящие пуговицы на одежде города. Домой домчались быстро. «Сегодня произошло маленькое чудо», — думалось Вере. Дома отогрелись, поужинали. Затем Вера выгладила дочери ее снежинный наряд. Повесила аккуратно на спинку стула. На сиденье положила бережно свернутые белые колготки. Затем, оставив Катю в комнате, Вера направилась в кухню готовить что-нибудь вкусное для мужа. Катин отец работал по две недели вахтовым методом и сегодня ночью должен был вернуться.

Несколько раз Вера заходила в комнату, чтобы проверить, все ли в порядке у дочери. Катя увлеченно играла своими новыми игрушками, которые уже всюду дарили бабушки и дедушки своей любимице в преддверии Нового года. Затем, уложив дочь спать, Вера занялась домашними делами. Спать не хотелось. К тому же она ждала мужа, чтобы накормить его с дороги. Наконец раздался долгожданный звонок в дверь.

Утром Вера не стала будить Евгения. Пусть отдохнет, а она тем временем отведет Катюшку в сад. А потом они с мужем, нарядные, к десяти пойдут к дочери на утренник. Поскольку Евгений неделями отсутствовал дома, то выйти куда-то им удавалось очень редко, а на Катин утренник так вообще пойдут вместе всего лишь во второй раз.

— Папа приехал? — первое, что спросила девочка, проснувшись.

— Да, приехал, — кивнула мать, — спит. Мы к тебе на праздник сегодня придем с папой.

Непонятно почему, но это сообщение вовсе не обрадовало Екатерину. «Отвыкла от отца, — подумала Вера, — из года в год неделями на вахте. А куда деваться?» — вздохнула она.

Умыв Катюшку, Вера собиралась одеть ее в белоснежный наряд. А дочь не торопилась одеваться и все время пыталась кашлять.

– У тебя что-то болит, Катюша?

– Горло.

Вера посмотрела Катину горло. Оно не вызывало никаких признаков ангины.

– Все хорошо там в твоём горле.

– Нет, – упрямылась девочка, – я вчера снег ела.

– За это сейчас ремнем получишь по мягкому месту, – пригрозила Вера, – иди сюда немедленно. Одеваться будем.

Катя словно на каторгу подошла к стулу с одеждой, возле которого стояла мама.

Вера взяла аккуратно сложенные колготки, вспоминая, с каким трудом они были добыты вчерашним вечером. Но... но что это? Что с ними? Вера даже вскрикнула. На белых колготках по всей их длине были вырезаны кружки. Вернее, их подобие. Они, разноразмерные, порой переходили то в квадратную, то в овальную, то еще в какую-то непонятную форму, известную лишь ее создателю. Вера была в ужасе. Когда Катя успела это сделать? Ночью, что ли, прокрадывалась и вырезала эти безобразные горошины? Нет, наверное, все же с вечера. Пока Вера возилась на кухне, Катя занималась этой аппликацией, делая вид, что увлеченно играет новыми игрушками.

Вера вознамерилась строго наказать дочь, стоявшую напротив нее с партизанским видом. Катя сразу решила для себя, что если мама будет спрашивать ее, она ли это сделала, девочка будет стоять на своем твердом «нет». Вера понимала, что если начать спрашивать дочь, она ли навыврезала горошины, девочка станет отпираться.

Вера посмотрела на дочь. Та, гордо задрав подбородок, глядела в окно.

– Катя, – сказала Вера.

Дочь напряглась.

– Катя, – повторила она, – ты какими ножницами горох вырезала? Большими или маленькими?

– Маленькими, – не задумываясь, ответила Катюша.

Вера рассмеялась:

– Ну что же, быть тебе «снежинкой» в дырчатых колготках.

ГОРСТЬ БРУСНИКИ

У меня есть пальто. Теплое. Ладное. Цвета неспелой брусники. Иной раз, когда я гляжу на пальто и думаю о его необыкновенном цвете, невольно приходит на память один далекий день моей жизни. Он тоже связан с брусникой. С недозревшей.

Начиналась осень. Стоял теплый день. Казалось, весь мир нежится под лучами ласкового сентябрьского солнца, выгибая спину, как добродушный кот. Мы ехали в деревню. Мы – это я, отец, сестра и отцовский брат, который был за рулем. Сестра сидела на переднем сиденье, рядом с водителем, я же с отцом – на заднем. Ехали молча, глядя по сторонам. Слово краски на палитре художника, во мне смешивались чувства наступившего дня. Сегодня отца выписали из больницы. Он, не в пример нам, розовощекий, выглядел серым, худым и изнеможенным.

Мы везли его домой. Умирать.

Правда, отец думал, что его временно отпустили из больницы и через пару недель снова предстоит лечение. Он ошибался. Не предстоит. У отца был рак. Рак желудка. Неизлечимый и неоперабельный. Диагноза отец не знал. Он никогда не интересовался своим здоровьем, не лежал в больницах, не посещал кабинеты врачей. Он всегда был здоров. А две недели назад отцу стало плохо, что даже упал в обморок. Из деревни, где он жил, его доставили за восемьдесят километров в районную больницу. Об этом нам с сестрой сообщили родственники, и мы через двое суток, именно столько

нужно было ехать на поезде, примчались к отцу. Врачи ничего вразумительного нам сказать не могли. Диагнозы, поставленные ими, не подтверждались. Отцу проводилось укрепляющее лечение.

Однажды он попросил принести ему пельменей. Мы принесли их в стеклянной литровой банке, замотанной в шерстяную кофту, чтобы не остыли. Отец, обжигаясь, долго пытался проглотить пельмень, но все же не смог.

— Не ийдётся, — сказал он, нарочно коверкая слово и виновато улыбаясь.

— Подожди, пока остынут, — посоветовала я, — вон горяченьные какие!

Пар так и валил из широкого горлышка банки, и она по-прежнему была такой обжигающей, что невозможно держать голыми руками. Но и когда прошло немного времени и пельмени чуть подостыли, отец не смог съесть ни одного пельменя.

— Не ийдётся, — повторил он, — мне бы палку какую...

— Зачем? — удивились мы.

— Чтобы протолкнуть ком, — сказал отец и провел рукой линию от горла к желудку, показывая, где нужно протолкнуть.

Пельменный запах и так раздавался на весь больничный вестибюль. Но отец наклонился прямо к горлу банки и вдыхал, вдыхал, вдыхал пельменный аромат. Наконец поднял голову. В горле ком, а в глазах — слезы. Любят сибиряки пельмени...

Врачи отправили анализы в областной центр. Результаты ждали несколько дней...

А теперь мы ехали туда, где предстояло отцу прожить последние дни своей жизни с нами, его дочерьми, в деревенский дом, где прошло его детство, где умерли его родители, где он жил в последнее время.

Два часа нужно было трястись по кочкам. Дядька, как мог, старался ехать осторожнее. Но когда при очередной колдобине нас подбрасывало, отец жмурился от боли.

Наконец он не выдержал:

— Останови.

По краям дороги стоял лес. Светлый. Прозрачный. Хвойный. Такой лес называется светлохвойной тайгой. Лиственницы, сосны, а также березы и осины — главные жители этого леса.

— Пройдемся? — предложил отец.

Дядька замотал головой, мол, не бросишь же машину посреди дороги. Сестре тоже не захотелось прогулки. Только отец и я шагнули в лес. И сразу же, с первых шагов, нас укутало неповторимым лесным запахом. Идти было легко. Слышно, как потрескивали под ногами сломанные ветки. Только это и нарушало тишину. Казалось, что время остановилось. Мы одновременно любовались и золотисто-желтыми листьями, и цветастыми шляпками грибов. И, возможно, одновременно думали о вечном.

— Брусника! — первым нарушил молчание отец.

И впрямь! Вдруг откуда не возьмись повсюду появилось много-много кустарничков с розово-бордовыми бусинками на фоне мелких, вечнозеленых листьев.

Раньше я не очень любила эту тугую упругую ягоду. У нас в доме ее имелось в предостаточном количестве. Отец собирал бруснику ведрами, и долгими холодными зимами нас поили брусничными морсами, заставляли есть пересыпанную сахаром, чтобы не болеть. Сейчас же она мне казалась самой вкусной ягодой на свете, хотя и была недозревшей.

— А ты чего не ешь? — спросила я у отца и протянула ему ладонь с брусникой.

Отец покачал головой:

— Неспелая, недельки через две можно собирать будет.

«Недельки через две...» — с грустью повторила я про себя эту фразу.

— Хотя если ее сейчас набрать да положить в темное место, она дойдет, — продолжал отец, — но при этом вполовину потеряет полезные свойства.

— Знаешь, что означает «брусника» по-латыни? — вдруг спросил отец.

— Не знаю. И что же?

— Виноградная лоза.

— Да? — удивилась я. — Она вовсе не похожа ни на какую виноградную лозу.

Родитель пожал плечами: мол, я, что ли, придумал это.

— А корневища у брусники живут до двухсот лет, — сказал отец.

— Да? — вновь удивилась я.

Он еще что-то рассказывал про ягоды, поражая меня своими яркими энциклопедическими знаниями. «Вот тебе и деревенский мужик!» – думала я, поедая бруснику.

– Нас, наверное, заждались. Давай вертаться, – сказал отец.

Видно было, что он очень устал. Мы побрели в сторону машины. Брусника повсюду расстилалась ковром.

– А все же набери-ка горсточку, – попросил родитель.

Он пошел не спеша вперед, а я, быстро набрав горсть ягод, еще какое-то время смотрела на его медленно удаляющуюся фигуру. Потом, крепко зажав ладонь, быстрым шагом догнала отца. И на сей раз он отказался от ягод.

Когда мы подошли к машине, сестра и отцовский брат встречали нас с грустными лицами. Очевидно, они в наше отсутствие говорили о болезни отца.

– Чего грустные? – спросил отец. – Не тех ягод насобирали?

– Каких не тех? – удивились они.

– Грустнику, поди, набрали вместо брусники. Мы-то, видишь, какие довольные, потому что брусники набрали малость.

Я разжала ладонь и подставила ее дядьке и сестре. Сестра, взяв пару ягод, сморщила нос. А дядька вообще сказал, что выкинуть ее надо, бруснику незрелую.

– Через две недели пойдем собирать, – сказал он нам, – вот увидите, девать будет некуда.

– Не выбрасывай, – приказал отец.

Всю оставшуюся дорогу я кормила отца брусникой.

– Вовка, да брось ты жевать ее, – сокрушался его брат, – она же недозревшая!

Отец ел молча, тщательно пережевывая каждую брусничную ягоду.

– Вовка, выплюнь! – не унимался дядька. – Через две недели пойдем, хорошей наберем. Красной.

Через две недели отца не стало.

□

Наталья Владимировна РОМАНОВА –

прозаик.

Родилась в селе Леуши Кондинского района Тюменской области.

Окончила Уральский государственный педагогический университет.

Училась в Литературном институте им. А.М. Горького.

Публикуется с 2009 года.

Награждена золотой медалью Пушкина

и золотой медалью Есенина

академии русской словесности им. Г.Р. Державина.

Удостоена Международной литературной премии

«Русский позитив», впервые учрежденной Российским фондом мира.

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

